

Д. Б. Никуличева
Институт языкознания РАН, МГЛУ, Москва, Россия. nikoulitcheva@yandex.ru

СЕМАНТИКА СКАНДИНАВСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ КНИГИ М. И. СТЕБЛИН- КАМЕНСКОГО «ИСТОРИЯ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ»

В статье обсуждается ряд структурных особенностей древнескандинавских личных и указательных местоимений, отмеченных в «Истории скандинавских языков» М. И. Стеблин-Каменского, и предлагается их лингво-когнитивное осмысление. Обращение к истории языка позволяет определить те коммуникативные дистинкции, которые нашли отражение в местоименных парадигмах древних скандинавских языков и получили дальнейшее развитие в современных языках. Осмысление материала книги позволяет предположить, что базовой парадигматической оппозицией для скандинавских местоимений являлось противопоставление участников и объектов коммуникации.

Ключевые слова: история скандинавских языков, личные и указательные местоимения, супплетивизм, парадигматическое выравнивание, совпадение падежных форм, участники коммуникации, объекты коммуникации.

Dina Nikulicheva
Institute of Linguistics RAS, MSU, Moscow, Russia. nikoulitcheva@yandex.ru

Semantics of Scandinavian pronouns: “reflections on the margins” of the book by M. I. Steblin-Kamensky “History of the Scandinavian languages”

At present, the general focus of our research is directed to ways of expressing anthropocentric meanings in the grammar of the modern Danish language. In particular, the pragmatic meanings expressed by the system of analytical demonstrative pronouns (Danish pronominal binomials like *den her / denne her*, etc.) are studied.

From the point of view of linguopragmatics, pronouns in any language play a primary role, since by default they represent Karl Bühler's “communicative triangle” and point out three participants in the communicative act: the speaker (1st person), the listener (2nd person) and denotative reality (3rd person).

Historical approach allows us to see a broader picture, establish the direction of changes and determine some communicative distinctions that are reflected in the pronominal paradigms of Old Icelandic, Old Swedish and Old Danish. "The History of the Scandinavian languages" by M. I. Steblin-Kamensky written from the comparative typological perspective, with extensive illustrative material and accurate observations of the author serves in this regard as a valuable source of information.

The article considers structural features of personal and demonstrative pronouns in the Old Icelandic, Old Swedish and Old Danish languages, noted in the book by M. I. Steblin-Kamensky, and offers their cognitive interpretation.

A hypothesis is put forward that basic distinction for Scandinavian pronouns was the opposition of participants of communication and objects of communication. In this regard, the stability of pronominal suppletion for Scandinavian 1st person pronouns in the absence of suppletion in personal pronouns of the 3rd person and in demonstrative pronouns of the neutral gender is considered. The concepts of "pragmatic principle of priority" and "focus of attention of participants in communication" allow us to trace the dynamics in the historical opposition of the subjective and objective cases of pronouns in modern Scandinavian languages and explain some innovations in their pronominal deixis.

Keywords: history of the Scandinavian languages, personal and demonstrative pronouns, suppletion, paradigmatic alignment, merging of case forms, communication participants, objects of communication.

«История скандинавских языков» Михаила Ивановича Стеблин-Каменского принадлежат к золотому фонду отечественной филологии. К этой книге продолжают возвращаться на протяжении всей жизни те, кто избрал скандинавские языки своей профессией.

В настоящее время общий фокус нашего исследования направлен на изучение способов выражения антропоцентрированных смыслов в грамматике современного датского языка. В частности, изучаются прагматические значения, выражаемые системой датских личных и указательных (в том числе, аналитических) форм местоимений. В этой связи возник вопрос о том, какие смысловые нюансы выражались личными и указательными местоимениями на протяжении истории скандинавских языков. Книга М. И. Стеблин-Каменского не только дает ценнейший материал по этому вопросу, но и побуждает к его дальнейшему осмыслению.

Характеризуя парадигму личных местоимений скандинавских языков, М. И. Стеблин-Каменский писал: «В личных местоимениях первого лица и в указательном местоимении имела

место супплетивность именительного и косвенных падежей, по-видимому, первоначально характерная для всех индоевропейских языков. Таким образом, именительный и косвенный падежи этих местоимений представляют собой этимологически не разные формы одного слова, а разные слова, что, по-видимому, является пережитком той древнейшей эпохи, когда склонение еще вообще не сложилось. Сравни, например: д.-и. *ik* 'я' и *min* 'меня', *me* 'мне', *mi* 'меня', *we* 'мы' и *oss* 'нас', 'нам'; *sá* 'этот' и *þess* 'этого', *þann* 'этого'. В древнешведском и древнедатском языках эта супплетивность в указательном местоимении уже устранена. Д.-ш. *þæn* и д.-д. *thæn* 'этот' (первоначально формы винительного падежа) вытеснили в именительном падеже более древние *sa* или *saR*, которые еще встречаются в древнейших памятниках (рунических надписях и фрагменте вестьетского права). В личных местоимениях супплетивность прямого и косвенного падежей сохранилась во всех скандинавских языках и поныне» (Steblyn-Kamensky 1953: 208).

Как видим, М. И. Стеблин-Каменский объясняет явление местоименного супплетивизма «пережитком той древнейшей эпохи, когда склонение еще вообще не сложилось». Предлагаемая нами статья написана в жанре «размышлений на полях» книги классика скандинавистики. Поэтому позволим себе задать вопрос: *каковы могли быть когнитивные основания, определившие устойчивость местоименного супплетивизма* на протяжении истории германских языков (также как и большинства индоевропейских языков), несмотря на исторические процессы парадигматизации, выравнивания по аналогии и языкового нормирования? Видимо, должно быть нечто особенное в прагматической семантике категории местоимений, поддерживающее историческую устойчивость выражения их разных падежных форм разнокорневыми словами.

Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд, поскольку ответ на него не сводится лишь к указанию на древность и устойчивость местоимений как грамматического разряда слов. Чтобы это продемонстрировать, обратимся вновь к процитированному выше отрывку из «Истории скандинавских языков». Из текста явствует, что процессы парадигматического выравнивания были возможны и реально происходили и в некоторых местоимениях: «Сравни, например: д.-и. *<...> sá* 'этот' и *þess* 'этого', *þann* 'этого'. В древнешведском и древнедатском языках эта супплетивность в указательном местоимении уже устранена. Д.-ш. *þæn* и д.-д. *thæn* 'этот' (первоначально

формы винительного падежа) вытеснили в именительном падеже более древние *sa* или *saR*» (*ibid.*: 208).

Так почему же в одних местоимениях парадигматическое выравнивание произошло еще в древнюю эпоху, а другие устойчиво сохраняют супплетивизм до наших дней? Ответ на это можно получить, обратившись к анализу местоименных парадигм, приводимых в «Истории скандинавских языков». Так, из парадигматических таблиц на с. 328–330 следует, что и в древнеисландском языке супплетивизм указательных местоимений присутствует не во всех родах. Супплетивизм представлен в противопоставлении именительного и косвенных падежей указательных местоимений мужского (Им. *sá* ‘этот’ — Род. *þes(s)* / Дат. *þeim* / Вин. *þann*) и женского рода (Им. *sú* ‘эта’ — Род. *þes(s)* / Дат. *þ(v)i* / Вин. *þat*), но системно отсутствует во всех древнескандинавских языках в указательных местоимениях среднего рода (*ibid.*: 329):

Указательные местоимения. Средний род

		д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч.	Им.	<i>þat</i> ‘это’, ‘оно’	<i>þæt, þet</i> ‘это’, ‘оно’	<i>thæt</i> ‘это’, ‘оно’
	Род.	<i>þes(s)</i>	<i>þæs, þes</i>	<i>thæs</i>
	Дат.	<i>þ(v)i</i>	<i>þy, þe</i>	<i>thæt, thy</i>
	Вин.	<i>þat</i>	<i>þæt</i>	<i>thæt</i>
Мн. ч.	Им.	<i>þau</i> ‘эти’, ‘они’	<i>þœn, þe</i> ‘эти’, ‘они’	<i>the</i> ‘эти’, ‘они’
	Род.	<i>þeir(r)a</i>	<i>þera</i>	<i>ther(r)æ</i>
	Дат.	<i>þeim</i>	<i>þem, þæm</i>	<i>the, thæm</i>
	Вин.	<i>þau</i>	<i>þœn, þe</i>	<i>the, thæm</i>

Что касается скандинавских личных местоимений, то, хотя в процитированном выше отрывке М. И. Стеблин-Каменский и писал, что «в личных местоимениях супплетивность прямого и косвенного падежей сохранилась во всех скандинавских языках и поныне», обращение к местоименным парадигмам убеждает, что это утверждение верно лишь в отношении местоимений 1 и 2 лица. Личные местоимения 3 лица во всех индоевропейских языках восходят к указательным местоимениям во всех падежных формах. (В русском языке формы косвенных падежей личных местоимений 3 лица, впрочем, стали отличаться: *он* — *его/ему/его*; *она* — *её/ей/её*). В скандинавских языках все падежные формы личных местоимений 3 лица восходят к единому корню, производному от указательного местоимения

germ. *hi- < ie. *ke- (Nielsen 1985: 179–180). Ср. рус. указательное местоимение *сей*.

См. таблицу спряжения древнескандинавских личных местоимений 3л, приводимую на с. 328:

Личные местоимения. Третье лицо, мужской род

	д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч. Им.	hann 'он'	han 'он'	han 'он'
Род.	hans	hans	hans
Дат.	honum, hónum	hanum, honum	hanum
Вин.	hann	han	han, hanum, ham

Личные местоимения. Третье лицо, женский род

	д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч. Им.	hon, hón 'она'	hon 'она'	hun 'она'
Род.	hennar	hænna(r)	hænnæ
Дат.	henni	hænni	hænnæ
Вин.	hana, hána	hana, hona	hanæ, hænnæ

Наличие супплетивности, таким образом, не является общей чертой всех скандинавских личных местоимений, а противопоставляет местоимения 1 и 2 лица, у которых и в единственном, и в двойственном, и во множественном числе формы именительного падежа и косвенных падежей являются супплетивными, местоимениям 3 лица.

См. таблицы спряжения местоимений 1 и 2 лица на с. 328:

Первое лицо

	д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч. Им.	ek 'я'	iak, iæk 'я'	iak, iæk 'я'
Род.	min	min	min
Дат.	mér,	mæ(r)	mik, mæ
Вин.	mik	mik	mik
Дв. ч. Им.	vit	vit'	-
Род.	okkar	okar	-
Дат.	ok(k)r	oker	-
Вин.	ok(k)r	oker	-
Мн. ч. Им.	vér	vi(r)	vi
Род.	vár	var, var(r)a	var(æ)
Дат.	oss	os, us	os
Вин.	oss	os, us	os

Второе лицо

		д.-и.	д.-ш.	д.-д.
Ед. ч.	Им.	þú 'ты'	þu 'ты'	thu 'ты'
	Род.	þín	þin	thin
	Дат.	þér	þær	thik, thæ
	Вин.	þik	þik	thik
Дв. ч.	Им.	(þ)it	it	-
	Род.	ykkar	-	-
	Дат.	yk(k)r	-	-
	Вин.	yk(k)r	-	-
Мн. ч.	Им.	(þ)er	(i)r	i
	Род.	yðvar	iþar, iþra	ethær
	Дат.	yðr	iþer	ethær
	Вин.	yðr	iþer	ethær

Из этих сопоставлений можно сделать вывод о том, что — по отсутствию супплетивизма — скандинавские личные местоимения третьего лица восходят к указательным местоимениям. Когнитивным основанием такого парадигматического сходства является не только их этимология, но и сходство их функционирования в коммуникации. Эти местоимения осуществляют референцию не к участникам коммуникации: 1 лицо (говорящий) и 2 лицо (адресат), а к одушевленному или неодушевленному объектам коммуникации как денотатам внешней реальности по отношению к коммуникантам. В этом плане объекты коммуникации остаются неизменными, независимо от их синтаксической функции в предложении.

Тут можно провести аналогию с совпадением форм именительного и винительного падежа у древнескандинавских существительных среднего рода или у многих существительных женского рода. Прототипически такие существительные обозначают не лиц, а объекты коммуникации, поэтому их именительный падеж формально тождествен винительному как прототипическому падежу объекта. Например, древнеисландские основы среднего рода на -a-: Им. *land* 'страна' = Вин. *land*; основы среднего рода на -ja-: Им. *sker* 'шхера' = Вин. *sker*; основы женского рода на -jǫ-: Им. *egg* 'лезвие' = Вин. *egg*; основы женского рода на -i-, -ǫ- и др.

Исходя из вышесказанного, мы выдвигаем гипотезу о том, что чем выше формальное различие падежных форм слова, тем более значимым для носителей данной лингвокультуры явля-

ется несовпадение синтаксических ролей, выражаемых данными падежными формами.

Наиболее радикально различие падежных форм проявляется в случаях супплетивизма. Для скандинавских личных местоимений 1 и 2 лица оно оказывается и исторически наиболее устойчивым. Ниже будет предложено прагматическое объяснение этого феномена.

Идея прагматических иерархий местоимений была предложена в работах А. Е. Кибрика и М. Б. Бергельсон. «Прагматический принцип приоритета» заключается, в частности, в том, что местоимения, не обозначающие людей, находятся в прагматической иерархии ниже, чем местоимения, обозначающие людей (Bergelson, Kibrik 1981).

Но и внутри разряда местоимений, обозначающих людей, как мы убеждаемся при рассмотрении местоименных парадигм древних скандинавских языков, может быть прослежена аналогичная прагматическая иерархия. Отсутствие супплетивизма у местоимений третьего лица можно считать признаком их относительно более низкого прагматического ранга, так как, подобно указательным местоимениям, они указывают на не вовлеченных в коммуникацию лиц как на внешние объекты, тождественные самим себе независимо от их синтаксической функции в предложении. Среди указательных местоимений только в древнеисландском языке — и только местоимение мужского рода — получает более высокий прагматический ранг поскольку прототипически указывает на лицо мужского пола являющегося агенсом, к которому осуществляется референция в данной коммуникативной ситуации: *sá maðr* ‘этот человек.

Прагматический статус говорящего и его адресата (адресатов), непосредственно вовлеченных в коммуникативную ситуацию как агенты, является наиболее высоким. И это отражено в обозначении этой наиболее важной синтаксической роли особым корнем. «Я» как агент не тождествен «мне» как объекту, «ты» или «вы» как агенты, принимающие непосредственно участие в коммуникации, не то же самое, что лица, о которых идет речь. Ср. д.-и. 1. л. ед. ч. Им. *ek* и Вин. *mik*; 1. л. дв. ч. *vit* и Вин. *ok(k)r*; 1. л. мн. ч. *vér* и Вин. *oss*; д.-и. 2. л. ед. ч. Им. *þú* и Вин. *þik*; 2. л. дв. ч. *(þ)it* и Вин. *yk(k)r*; 2. л. мн. ч. *(þ)er* и Вин. *yðr*.

Разный прагматический статус личных местоимений связан с тем, что «большая часть употреблений анафорических местоимений может интерпретироваться в терминах распределения

внимания участников коммуникации — говорящего и адресата. Местоименно-анафорической номинации подвержены те референты, которые входят в фокус внимания участников коммуникации» (Kibrik 1987: 79).

В данной статье мы хотели бы поразмышлять о существовании перцептивных оснований для устойчивой супплетивности местоимений 1 лица. Будем исходить из того, что фокус внимания связан с перспективой восприятия. Местоимение «я» любом языке маркирует «исходную точку координат» — точку *Origo*, по Карлу Бюлеру. Три указательных слова — «я», «здесь» и «сейчас» — образуют систему «координат субъективной ориентации, во власти которой находятся и будут находиться все участники коммуникации» (Bühler 1993: 95). По отношению к точке «я» все другие денотаты являются внешними объектами. Однако употребление «я» в любом из косвенных падежей выводит это «я» из позиции центральной точки субъективной ориентации: ср. *Я вижу его* и *Он видит меня*. Противопоставление внутренней (я-субъект) и внешней перспективы (я-объект) как раз и маркируется устойчивой супплетивностью местоимений 1 лица.

А. Я. Гуревич писал в «Категориях средневековой культуры», что в древнескандинавском обществе индивид еще не выделял себя как личность, противопоставленная коллективу. Но анализ парадигматики древнескандинавских местоимений позволяет предположить, что «я», тем не менее, осознавалось как точка отсчета пространственной и временной ориентации активного субъекта в мире.

Экспликацию «овнешнения» «я» в ситуациях его объектного функционирования можно наблюдать в детской речи. Вот какую сценку автор этой статьи не так давно наблюдала в соседнем парке. На скамейке сидит бабушка с маленьким внуком. В порыве нежности дед хватается внука в охапку и начинает тискать. В ответ малыш верещит в возмущении: «*Отдай Вадю! Отдай Вадю!!!*» В этой забавной детской фразе наглядно проявляется расщепление перспективы говорящего на я-субъект и я-объект. Вместо «*отпусти меня*» трехлетний мальчик овнешняет себя как объект, используя глагол *отдай!* как требование возвращения я-объекта в сферу я-субъекта.

О том, что нюансирование различий прагматического статуса лиц, вовлеченных в коммуникацию, типично для древнескандинавского языкового сознания, свидетельствует также наличие в древнеисландском языке двойственных местоимений

1 и 2 лица, *vit* и (*b*)*it* соответственно, уже выходящих из употребления в древнешведском и отсутствующих в древнедатском. Обратим внимание на то, что двойственные местоимения 3 лица отсутствуют во всех древнескандинавских языках. Это значит, что «фокус внимания» на лицах, непосредственно не вовлеченных в коммуникативную ситуацию, прототипически ниже, чем «фокус внимания» на лицах, напрямую присутствующих в коммуникации.

Кроме того, наличие в древнеисландском языке местоименных клитик, таких как *ek* > *-k*, например, *hukk* (< *hygg-ek*) ‘я думаю’, *þú* > *-ðu*, *-du*, *-tu*, например, *heyrðu* ‘слушай ты’ или *viltu* ‘хочешь ты’ (Steblyn-Kamensky 1955: 88), также является свидетельством дополнительного ранжирования прагматического статуса личного местоимения. «Иерархия анафорической редукции» обсуждалась в недавнем докладе Я. Г. Тестельца (ИЯз РАН 18.06.2023) на конференции в честь юбилея А. А. Кибрика. В докладе предлагалась следующая анафорическая иерархия номинации: «полное выражение > свободное местоимение (*human*) > свободные неодушевленные местоимения > клитики или аффиксы». Как видим, свободное личное местоимение имеет более высокий прагматический статус, чем свободное неодушевленное местоимение, а статус клитик характеризуется наиболее низким прагматическим рангом.

Сравнение местоименных парадигм также дает интересный материал для осмысления динамики сокращения падежных форм. Как отмечал М. И. Стеблин-Каменский применительно к современным скандинавским языкам, «в склонении личных местоимений во всех скандинавских языках, кроме исландского, образовался особый “объектный” падеж, совмещающий функции древних дательного и винительного и отличного от “субъектного” падежа, то есть именительного» (Steblyn-Kamensky 1953: 210). Вместе с тем, сравнение приводимых в «Истории скандинавских языков» местоименных парадигм древних скандинавских языков (Ibid.: 328–330) позволяет отметить, что этот процесс происходил неравномерно не только применительно к разным языкам, но и применительно к разным личным местоимениям в рамках каждого из языков. Так, обращает на себя внимание, что в третьем лице как личных, так и указательных местоимений (то есть тех местоимений, где не было супплетивного противопоставления именительного и объектных падежей), этот процесс протекал медленнее. Там формальное противопоставление винительного и дательного

падежей дольше сохранялось даже в древнедастком языке, где процессы совпадения падежных форм проходили раньше, чем в остальных скандинавских языках. Ср., с одной стороны: д.-д. 1. л. ед. ч. Им. *iak* / Дат. *mæ, mik* = Вин. *mik*; 1. л. мн. ч. Им. *wi* / Дат. = Вин. *os*; д.-д. 2. л. мн. ч. *i* / Дат. = Вин. *ether* — и, с другой стороны: д.-д. 3. л. ед. ч., мужской р. Им. *han* / Дат. *hanum* / Вин. *han, hanum, ham*; д.-д. 3. л. ед. ч., женский р. Им. *hun* / Дат. *hænnæ* / Вин. *hanæ, hænnæ*.

Это наблюдение позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что супплетивность, противопоставляющая именительный падеж как падеж агенса всем другим синтаксическим ролям, способствовала скорейшей генерализации косвенных падежей как недифференцированного падежа объекта (то есть как не-агенса). В тех местоимениях, где такого супплетивного противопоставления не было, падежная дифференция разных синтаксических ролей сохранялась дольше и устранялась позже, возможно, под влиянием аналогии.

Благодаря процессу сокращения падежных форм местоимений, в тех скандинавских языках, где этот процесс происходил, усиливалось противопоставление лиц как прототипических участников коммуникации и агентов не-лицам как прототипическим объектам коммуникации. В результате «сложилась специфичная для современных скандинавских языков (кроме исландского) система личных местоимений третьего лица единственного числа, в которой разграничены лица, с одной стороны (д., ш., н. *han* 'он' и д., н. *hun*, ш. *hon* 'она'), и безличные существа и предметы, — с другой (д., ш., н. *den* 'он', 'она', 'оно' и *det* 'оно'), кроме того в пределах первых — лица мужского (д., ш., н. *han* 'он') и женского пола (д., н. *hun*, ш. *hon* 'она'), а в пределах вторых — безличные существа и предметы общего (д., ш., н. *den* 'он', 'она', 'оно') и среднего рода (д., ш., н. *det* 'оно') (Steblyn-Kamensky 1953: 212).

Тенденцию к дальнейшему усилению отмеченного местоименного противопоставления, можно проследить в современном датском языке на примере складывания системы аналитических указательных местоимений, а именно, местоименных биномов типа *denne her*, указывающих на объекты, затрагивающие личную сферу говорящего, местоименных биномов типа *den her*, указывающих на совместное рассмотрение объекта говорящим и адресатом, и местоименных биномов типа *den der*, указывающих на субъективное отстранение говорящим объекта

коммуникации во внешнее пространство по отношению к участникам коммуникации (Nikulicheva 2022).

Таким образом, обращение к истории скандинавских языков в книге М. И. Стеблин-Каменского позволяет не только установить направление изменений и определить те прагматические смыслы, которые нашли отражение в местоименных парадигмах древнеисландского, древнешведского и древнедатского языков — а именно, проследить последовательное парадигматическое противопоставление участников и объектов коммуникации, — но и понять закономерность инновационных процессов, протекающих в современных скандинавских языках, как отражающих общие тенденции их исторического развития.

Литература

- Bergelson, M. B., Kibrik, A. E. 1981: [The pragmatic “Principle of Priority” and its reflection in the grammar of the language]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series]. 4(40), 343–355.
- Бергельсон, М. Б., Кибрик, А. Е. 1981: Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 4(40), 343–355.
- Bühler, K. 1993. *Teoriya yazyka* [The Theory of Language]. Moscow: Progress.
- Бюлер К. *Теория языка*. М.: Прогресс.
- Gurevich, A. Ya. 1972: *Kategorii srednevekovoj kultury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.
- Гуревич, А. Я. 1972: *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.
- Kibrik, A. A. 1987. [Focusing of attention and pronominal-anaphoric nomination]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics] 3, 79–90.
- Кибрик А. А. 1987: Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация. *Вопросы языкознания*, 3, 79–90.
- Nielsen N. Å. 1985. *Dansk etymologisk ordbog. Ordenes historie*. København: Gyldendal.
- Nikulicheva, D. B. 2022: [Subjective and objective orientation in space by means of pronominal deixis in Danish]. *Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. 3(81), 93–103.
- Никуличева Д. Б. 2022: Субъективная и объективная ориентация в пространстве средствами местоименного дейксиса в

- датском языке. *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка.* 3(81), 93–103.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1953: *Istoriya skandinavskih yazykov [History of the Scandinavian Languages]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Стеблин-Каменский М. И. 1953: *История скандинавских языков.* М.; Л., Издательство Академии наук СССР.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1955: *Drevneislandskij yazyk [Old Icelandic]*. Moscow: Izdatel'stvo literetuty na inostrannyh yazykah.
- Стеблин-Каменский М. И. 1955. *Древнеисландский язык.* М., Издательство литературы на иностранных языках.
- Testeleets, Ya. G. 2023: [*Why are free pronouns needed?*]. Report at the scientific readings “Language as it is” on the occasion of the 60th anniversary of Andrei Kibrik. IYazRAN, June 18, 2023.
- Тестелец Я. Г., 2023: *Зачем нужны свободные местоимения.* Доклад на научных чтениях «Язык как он есть» к 60-летию со дня рождения Андрея Александровича Кибрика. ИЯЗРАН, 18 июня 2023 г.